Инспектор засунул руки в карманы своего пиджака и, ускорив шаг, решил, что его завтрак был полностью испорчен — не столько из-за феттучини, то была лишь причина покинуть «Орцинус Орку Остэрию», — сколько из-за персонала, который вёл себя крайне неподобающим образом, а также из-за не вовремя зашедших в заведение попрошаек… Гэлбрайту захотелось избавиться от чувства гадливости, поэтому он решил зайти в магазин алкогольной продукции, который, к счастью для него, располагался почти рядом с тем самым заведением общественного питания — как раз на другой стороне дороги.

В этом очень тесном помещении, где невозможно было толком пройти мимо полок с алкоголем без опасения свалить их содержимое на пол, инспектору было не особенно удобно передвигаться в поисках нужной ему бутылки. Плюс ко всему к тому моменту, когда он зашёл в этот магазин, у кассы стояла большая очередь, причём за всё то время, пока Гэлбрайт искал какой-нибудь напиток подешевле, ни один из этих людей не покинул магазин, что также не пошло на пользу его настроению.

Когда инспектор, наконец, взял бутылку приглянувшегося ему розового игристого вина и встал было в очередь, до него наконец-то дошло, в чём именно заключался феномен того, что люди не выходили из магазина — заключалось всё в том, что старый кассовый аппарат, который был у кассира, зависал после пробития абсолютно каждого товара, из-за чего измученному мужчине, обслуживавшего его, приходилось постоянно перезапускать этот капризный аппарат, едва сдерживая ругань при этом. Гэлбрайту в конце концов попросту надоело дожидаться своей очереди, в связи с чем он, поставив бутылку игристого вина на её прежнее место, в совершенно расстроенных чувствах покинул этот крошечный магазин алкогольной продукции.

Он вернулся в отель «Стэйт оф Сноу Лэйк», что называется, несолоно хлебавши. Поднявшись по лестнице на четвёртый этаж и войдя в свой номер, Гэлбрайт с облегчением снял свой слегка промокший под дождём пиджак и, расстегнув пуговицы на рубашке, отправился в ванну. Закончив мыться, он подошёл к кровати и, сам не зная почему, решился на то, чтобы перевернуть матрас. Это на первый взгляд невинное действие заставило его содрогнуться от отвращения — дело в том, что под матрасом, прямо на поверхности кровати, копошились целые стаи крошечных красных жучков. Не теряя ни минуты на раздумья, Гэлбрайт тут же отбежал от кровати и вызвал консьержа. Довольно скоро к нему вышел мрачный старик без единого волоска на голове, одетый в старомодный и явно видавший виды синий фрак. Консьерж оглядел инспектора с ног до головы.

— Единственное, что я могу вам предложить — это сменить номер, — произнёс он настолько мрачно, словно размышляя о конце света.

— Вам действительно так трудно попросить горничную сменить мне матрас? — Гэлбрайт, уставший после посещения остерии и винного магазина, не был готов препираться с обслуживающим персоналом.

— Извините, но я ничем не могу вам помочь, — твёрдо сказал консьерж.

— А как насчет постельного белья? Моя простыня прожжена сигаретой, — произнёс инспектор, пытаясь добиться от старика хоть чего-нибудь.

— В качестве компенсации я могу распорядиться, чтобы в ваш номер доставили нарезку из свежих фруктов, — ответил консьерж, продолжая стоять так, будто аршин проглотил.

— Ладно, по рукам, — ответил Гэлбрайт с оттенком отчаяния.

— За счёт заведения, конечно, — добавил старик, неожиданно улыбнувшись.

Странные здесь правила, думал Гэлбрайт, ибо кровать и фруктовая нарезка несколько не сопоставимы друг другу… Инспектор не мог отделаться от навязчивой мысли, что кого бы он ни встречал в Лондоне за всё это время, все, кто попадались ему на пути, были сумасшедшими. «Или же это просто я слишком респектабельный для этого города?» — спросил он себя, подходя к своей кровати. Он убедился, что спать на ней невозможно — потревоженные им клопы уже вовсю ползали по всему постельному белью. Инспектор начал готовиться к тому, что ему, по-видимому, придётся провести ночь на скамейке для обуви, которая была достаточно длинной, чтобы он мог лечь, поджав ноги.

Затем в комнату вошёл консьерж. Он взглянул на заполоненную насекомыми постель, и, не сказав ни слова, поставил на стол маленькую тарелку и ушёл. Гэлбрайт подошёл ближе — да, на ней действительно лежали фрукты, но в каком количестве… По одному ломтику яблока, груши и апельсина, причём, вопреки словам старика в синем фраке, они были далеко не свежими — яблоко и груша потемнели, а апельсин обветрился на воздухе. Ну, конечно, подумал Гэлбрайт, беря тарелку в руки, никто его не собирался кормить — фрукты были всего лишь символом того, что персонал этого отеля якобы чутко относится к своим постояльцам…

Инспектор подошел к мусорному ведру и, не колеблясь ни секунды, тут же отправил туда эти фрукты, после чего, поставив тарелку на стол, вздрогнул — кто-то снова побеспокоил его своим визитом. Гэлбрайт обернулся — это была уборщица, на редкость полная особа в засаленном фартуке, которая, поставив ведро с водой на пол, начала вытирать его мокрой шваброй. Инспектор подошёл к окну, чтобы не мешать ей убирать комнату. От нечего делать он посмотрел вниз, на дорогу, по которой ехали машины. Единственным признаком того, что утром под его окном произошел несчастный случай, было лишь тёмное пятно на асфальте. Гэлбрайт подумал, что если там пролилось так много крови, то тот бедняга в кабриолете определенно отправился к праотцам…

Продолжая смотреть на дорогу, он услышал скрип двери ванной комнаты — ну наконец-то, подумал он, уборщица соизволит убрать налёт в унитазе… Но увы, это было не так — полная особа вышла оттуда, не проведя там и минуты. Гэлбрайт надеялся на то, что женщина, по крайней мере, положила туда новую туалетную бумагу. С этими мыслями он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на уборщицу, которая, мрачно смотря прямо перед собой, старательно размазывала по полу жидкую грязь. Почувствовав на себе строгий взгляд гостя, она выпрямила спину и, выжав швабру в ведро, смела ею мусор по углам номера.

— Ну и сервис… — невольно вырвалось у Гэлбрайта, когда женщина, взяв ведро, уже выходила от него.

Полная особа, услышав его голос, дёрнулась всем телом так сильно, что пара капель грязной воды из её ведра выплеснулись на дверь. Бросив на инспектора испуганный взгляд, она тут же исчезла в коридоре, забыв о том, чтобы закрыть за собой дверь.

— О да, бережливость делу не способствует, — сказал Гэлбрайт вслух.

С этими словами он закрыл дверь за уборщицей и, вздохнув, посмотрел на пол — понятное дело, что от её действий чище он не стал; напротив, на линолеуме появились уродливые чёрные мокрые пятна. Он подошел к кровати, где на одеяле, подушке и простыне вовсю копошились мелкие красные насекомые, из-за чего этот предмет мебели выглядел так, словно его изъела ржавчина, но только ржавчина эта была не простой, но живой, постоянно меняющей свой узор. Стоя у кровати и созерцая всё это безобразие в некоем трансе, Гэлбрайт

медленно и глубоко дышал, а кончики его пальцев слегка подергивались от царившего внутри негодования.

В другое время инспектор с радостью бы покинул не только этот номер, но и отель в целом, но сейчас он был в таком состоянии, что у него не было выбора. Уставший после неприятного инцидента в «Орцинус Орке Остэрии», как морально, так и физически, он мечтал только об одном — придать своему телу горизонтальное положение. Поэтому Гэлбрайт, взяв со стола стопку бумаг с материалами по делу Фаркрафта, скинул туфли на пол и в ту же секунду рухнул на кровать, кишащую клопами. В следующее мгновение он почувствовал, как эти паразиты облепили его руки и ноги, но ему уже было всё равно.

— Magistratus oportet servire populo, — тихо произнес он вслух с отрешенностью.

Он вспомнил эту латинскую пословицу отнюдь неспроста — ведь именно она была написана на том самом агитационном транспаранет, под которым сидел гонец, принёсший инспектору весть о смерти последней носительницы генетического кода рода Йонсов. Значение этого выражения показалось Гэлбрайту уместным в той ситуации, в которой он оказался в данную минуту — хотя бы потому, что, втянув себя в это запутанное и непростое дело, он волей-неволей был обязан служить этому самому народу, хотя бы из чувства элементарной совести. Инспектор невольно вспомнил добросердечного Мэтта Макларена, чья захватывающая история и была катализатором, приведшим в движение весь этот чёртов водоворот событий. Как он, интересно, поживает сейчас? Как в принципе сейчас обстояли дела у всех друзей Гэлбрайта, пока он сам болтается здесь, безуспешно пытаясь найти следы доктора Бэйзларда, который, как было известно инспектору, уехал в Англию после той роковой операции? «В Англию, по делам» — эти слова доктора навсегда врезались в память Гэлбрайта, после того как он покинул квартиру этого детоубийцы…

Инспектор вспомнил о том, что полежать он решил для того, чтобы продолжить чтение материалов своего ныне покойного друга. Гэлбрайт невольно почувствовал жалость — нет, не к Фаркрафту, хотя это было бы логично, — инспектор пожалел о том, что в его номере не было ни единого стула. Гэлбрайт поднес стопку листов к глазам и, пытаясь понять, на какой именно строчке он остановился в прошлый раз, приготовился продолжить чтение этого грандиозного опуса. В результате он начал с того момента, когда автор этого расследования выехал на место смерти дворника Теодора Бекеля. Стараясь выдержать весь документ в официальном тоне, Фаркрафт, откровенно скупясь на выражения, сухо написал о том, что на пешеходном переходе, где было обнаружено тело дворника, он не смог найти ничего, что могло бы вызвать подозрение — единственное, на что он обратил внимание, это на то, что краска, которая использовалась для разметки пешеходного перехода, со временем стерлась.

На мгновение Гэлбрайт воскресил в голове вид дорог в Портленде. «Да, это тебе не Лондон», — подумал он… Инспектор вернулся к чтению. В документе говорилось о том, что когда Фаркрафт, ничего не найдя на дороге, где было найдено тело, зашёл в расположенный напротив торгового центра общественный туалет — по личной необходимости, конечно, — то там он заметил, что в кабинке, в которую ему довелось войти, на стене была написана арабская цифра «четыре». Как писал автор расследования, он бы не упомянул об этом моменте, если бы не несколько любопытных деталей. Во-первых, как начал перечислять Фаркрафт, неизвестный вандал орудовал чёрной алкидной автомобильной эмалью, хотя обычно надписи подобного рода наносились обычными маркерами.

Во-вторых, друг Гэлбрайта заметил, что цифра была написана не один, а целых четыре раза — и одного взгляда на это художество было достаточно, чтобы понять, что вандал наносил краску размашистыми движениями, как будто пытаясь нанести её на всю стену, но в конце концов

краска у него, видимо, закончилась, поэтому неизвестный художник (от слова худо) повторил цифру только четыре раза, а не пять или более. Кроме того, Фаркрафт ни с того ни с сего счёл своим долгом записать в официальном документе свою мысль о том, что ему показалось каким-то странным, что владелец этого общественного туалета не приложил усилий к тому, чтобы избавиться от этой надписи — Фаркрафт мог бы ещё понять, если бы этот туалет находился где-нибудь в глуши, но нет же, этим местом пользовались люди, выходящие из торгового центра.

Прочтя эту оду общественному туалету, Гэлбрайт невольно подумал, что его друг поступил правильно, что предпочёл профессии писателя работу в полиции — дело в том, что у писателя с таким литературным талантом, как у Фаркрафта, книги, конечно, покупали бы, но только по инерции — просто потому, что на рынке появился новый автор. В последствии же его произведений бы все избегали, потому что читатели уже узнали бы о том, что язык Фаркрафта весьма скучен, да и для понимания труден. С этой мыслью Гэлбрайт перелистнул страницу и сосредоточил своё внимание на следующем листе бумаги, на котором описывался осмотр места, где лежало тело уборщика, и описывалось то, как полиция проводила измерения рулеткой, а сам Фаркрафт давал им инструкции. «Хм», — подумал Гэлбрайт, — «мне кажется, или автор документа не в ладах с хронологией?» Инспектор так подумал потому, что помнил о том, что когда Фаркрафт сообщал в своём документе о туалете, он упоминал при этом, что вошёл в него ПОСЛЕ того, как осмотрел мёртвого Теодора Бекеля…

Зевнув, Гэлбрайт просто-напросто решил пропустить этот довольно скучный отрывок и снова сменил страницу. Теперь Фаркрафт писал о расследовании смерти Пенелопы Конвей, продавщицы в некоем магазине беспошлинной торговли. В отличие от инцидента с Теодором Бекелем, где окромя надписи в туалете не было ничего интересного для чтения, описание квартиры мисс Конвей невольно привлекло внимание Гэлбрайта хотя бы потому, что Фаркрафт написал этот отрывок чуть более живым языком. Его друг отметил, что как только он вошёл в квартиру продавщицы, то, что называется, с порога обратил внимание на зеркало, висевшее в прихожей, — дело в том, что стекло было занавешено белой ситцевой тканью. Фаркрафт писал о том, что спросил тетю покойной о том, не её ли это рук дело, на что женщина ответила, что она ни к чему не прикасалась в квартире и зеркало было занавешено даже тогда, когда она сама только вошла в квартиру своей племянницы. Друг Гэлбрайта, который, видимо, думал, что читатели могут не понять его недоумения на этот счёт, начал оправдывать свои подозрения тем, что сделал сноску, повествующую о том, что зеркало обычно занавешивают в тех случаях, когда человек уже умер, ибо существует поверье, согласно которому по квартире бродит дух отошедшего в мир иной хозяина.

— Бессмысленная мистическая чепуха, — пробормотал Гэлбрайт, почесывая невероятно зудящую от клопов ногу.

Всё же медик Морис был прав в тот день, когда в сердцах произнёс «Вы опять несете свою сверхъестественную чушь!», имея в виду то обстоятельство, что Фаркрафт любил придавать значение тем вещам, которые в мире материализма не имели абсолютно никакого смысла.

— Сотрудник правоохранительных органов не должен верить в чудеса, — невольно произнёс Гэлбрайт, отрывая взгляд от документа и уставившись в потолок.

Он всегда говорил это себе, когда сталкивался с чем-то, чего не мог объяснить простыми словами. Ему просто казалось, что мир подчиняется физическим законам, и к любому, даже самому странному явлению, нужно подходить с позиции именно физика, а не какого-то там поэта. Другое дело, что сам инспектор не обладал обширными познаниями ни в той, ни в иной области — будучи по сути простым обывателем, волею судьбы ставшим полицейским, Гэлбрайт

понимал, что ему не следует глубоко вникать в эти вещи, но его профессия, способствовавшая построению гипотез, заставляла его мозг работать в таком направлении, в котором он никогда бы не пошёл в повседневной жизни.

«Ох», — подумал он про себя, — «почему меня когда-то так тянуло стать полицейским инспектором?». В конце концов, он мог бы сейчас сидеть в студии и, ни о чём не парясь, писать картины на заказ, но нет же, ему приходится пачкать свои руки в крови уголовных дел... Отогнав эти в сущности риторические мысли, он вернулся к чтения документа. Его друг писал о том, что если принять слова тети Пенелопы Конвей за чистую монету, то получается, что зеркало действительно было занавешено до того, как родственница вошла в квартиру. Автор этих строк задался вопросом — неужто выходит так, что неизвестный убийца сделал это нарочно? Далее по тексту Фаркрафт выдвигал гипотезу, что, возможно, это мог быть странный жест уважения к покойной, и подумал — не без оснований, — что убийцей мог быть человек, который был неравнодушен к покойной продавщице.

— Убийство из чувства ревности, — смакуя слова подобно вину, задумчиво произнес Гэлбрайт.

Он невольно подумал о том, что им самим движет это святое и всеобъемлющее чувство. Только инспектор не мог до конца понять двух вещей — кого он ревнует и, главное, к кому именно... Отбросив эту мысль, он продолжил чтение. Осматривая квартиру Конвей, инспектор Фаркрафт обратил внимание на тот факт, что в её книжном шкафу была занята только одна полка, и, по сути, там стояла лишь одна книга, а именно «Мифология: Вневременные рассказы о богах и героях», автором которой была некая Эдит Гамильтон. Друг Гэлбрайта был весьма удивлен тому обстоятельству, что целую полку занимали двадцать экземпляров одной только этой книги, причём даже издание было одним и тем же. Инспектор Фаркрафт снова задался вопросом на страницах своего материала — может быть, продавщица купила их, чтобы подарить друзьям? Но почему тогда в её квартире не было никакой другой книги, даже кулинарной? Неужели покойная Пенелопа Конвей не любила читать, или же она собрала все книги, которые раньше были в её шкафу, с целью продать их и на вырученные средства купить двадцать экземпляров только одной книги о греческих мифах? Задав эти вопросы читателям, автор затем отметил, что в оставшееся пустое пространство на нижней полке могли бы поместиться ещё пять книг, обладавших таким же количеством страниц.

— Интересно, как он это проверил, — подумал Гэлбрайт.

Он понимал, что профессия полицейского инспектора требует от человека определенного образа мышления, но ему было трудно представить себе, чтобы его друг мог потратить своё время на такое глупое занятие, как перекладывание книг с одного места на другое. Гэлбрайт невольно вспомнил, как ещё до смерти маленькой дочери фармацевта он был в гостях у господина главного инспектора, распивая с ним Пиммс. Тоном профессора, говорящего о любимом ученике, Сеймур хвалил эту набившую всем остальным способность Фаркрафта обращать внимание на вещи, которые другому человеку показались бы совершенно бессмысленными. Затем, наливая себе третий по счёту бокал английского фруктового ликера, Гэлбрайт подумал о том, что весьма вероятно, что господин главный инспектор всегда мечтал сесть за один стол с Фаркрафтом, чтобы написать совместный материал на интересующую их обоих тему, но что-то не позволяло Сеймуру этого сделать. Гэлбрайт предположил, что проблема могла заключаться, во-первых, в том, что господин главный инспектор был по самое горло завален делами полицейского управления, а во-вторых, могло статься, что подобное поведение могло не вписыватьяс в отношения рода «хозяин и слуга».

Гэлбрайт внезапно очнулся от своих воспоминаний и вспомнил о том, что пора ему уже заканчивать чтение документа Фаркрафта — хотя бы потому, что по его коже уже вовсю

ползали разъярённые клопы. Поэтому Гэлбрайт не стал терять времени и пробежал текст глазами, даже не пытаясь толком вникнуть в суть. Теперь материал о расследовании четырёх умерших повествовал своему читателю о том, что помимо идентичных комплектов белых платьев, в гардеробе покойной на самом дне была спрятана коробка, в которой лежали — друг инспектора начал перечислил предметы — кожаный ошейник с шипами, лента для связывания рук, щекоталка и кляп. Далее Фаркрафт поинтересовался у родственницы покойной, был ли у этой девушки парень, поскольку, как он писал, его немало смущал тот факт, что мисс Фэй при жизни обладала сдержанным характером и, насколько мог судить сам инспектор, никогда по-настоящему не влюблялась в кого-либо.

— Стоп, какая ещё к чёрту мисс Фэй? — в замешательстве воскликнул Гэлбрайт.

Секунду спустя до него дошло, что этот фрагмент текста не согласовался с тем, что следовало до него. Инспектор пробежал глазами по бумаге — в тексте уже встречались имена сутенёра Александра О'Брента и его убийцы Юджина Вудса. Оказывается, когда Гэлбрайт уронил стопку листов с материалом Фаркрафта, то он собрал их без какой-либо системы, из-за чего теперь было практически невозможно прочитать дело его покойного друга — ведь без соблюдения хронологии полностью терялась связь между гипотезами и фактами.

— Ну что я могу сказать... Почитал, называется, — вздохнул Гэлбрайт и сокрушенно швырнул пачку бумаг вверх.

Материалы дела Фаркрафта снова опали на пол, подобно осенним листьям — только это были странные листья, не жёлтые или красные, но белые и с чёрными строчками букв. Инспектор почувствовал себя так, словно его надули как первоклашку. «Ну, конечно», — подумал он, — «я сам допустил ошибку, и теперь приходится самому пожинать её плоды...» Тут он совершенно не к месту вспомнил о том, что в Фаркрафте его всегда удивляло то, что на адресованный ему вопрос о том, есть ли у него девушка, он отвечал, что это не относится к его персоне, потому что Фаркрафт, мол, придерживается идеи, что судьба сама отмеряет, кому продолжать свою родовую линию, а кому умирать, так и не оставив потомства.

— Сильно сказано, — громко и отчетливо произнёс Гэлбрайт, чувствуя, как горит его кожа из-за назойливых насекомых.

После того, как Гэлбрайт прокомментировал вслух случайно пришедшее ему на ум выражение своего покойного друга, он, стараясь не сойти с ума от укусов мерзких клопов, снял верхнюю одежду и заполз под одеяло. Красные жучки стали ещё более злобно ползать по его телу — они заползали ему под мышки, цеплялись за волосы на груди и ногах, а самые наглые паразиты пытались проникнуть внутрь его ушей и ноздрей. Возможно, дополнительный эффект этому придавало ещё и то, что в темноте он не мог разглядеть точное количество насекомых, но, так или иначе, дискомфорт постепенно усиливался, и вскоре инспектор проснулся посреди ночи.

— С меня хватит! — крикнул он в пустоту.

Как был босиком, Гэлбрайт подошёл к настенному выключателю и протянул руку вперед. Его указательный палец коснулся белой пластиковой кнопки. Раздался едва слышный щелчок, и в комнате сразу стало светло. Инспектор опустил глаза и посмотрел на свои ноги — мерзкие, отвратительные, ублюдские клопы висели на его коже, подобно муравьям, цепляющихся за ветку. «Ох», — подумал он, — «если бы я случайно не перевернул матрас, то, вероятно, насекомые не вылезли бы наружу...» Зайдя в ванную, он включил душ и тут же встал под его колючие и холодные струи. Пытаясь смыть с себя паразитов, Гэлбрайт мысленно вернулся в Портленд. Сначала он просто вспоминал о том, как ему там было хорошо и как он мог

спокойно спать в своей маленькой квартирке, не тратя свои силы на борьбу с клопами. Затем, когда инспектору наконец удалось избавиться от большинства паразитов, он сел на край ванны, сосредоточившись на том моменте, когда он решился на то, чтобы уехать в этот самый Лондон, где он сейчас и находился.

В то время не происходило ничего особенно необычного — Гэлбрайт просто направлялся к себе домой после утомительного рабочего дня. В тот вечер дул холодный ветер, поэтому он не хотел слишком долго задерживаться на улице и шёл ускоренным шагом. К тому времени, когда он добрался до Эббаутс-стрит, на улицу уже опустились сумерки. Подходя к дому Е-14, в котором он жил, инспектор сунул руку в карман пиджака — ибо ключи он всегда доставал заранее — и поднял голову. То, что он увидел, заставило его стряхнуть с себя налет меланхолии — окно его квартиры было ярко освещено. Гэлбрайт очень хорошо помнил, что он со вчерашнего вечера не включал свет в комнате, так что не могло быть никаких сомнений в том, что в его квартиру некто пробрался. Сердце инспектора бешено забилось, и он, нащупывая во внутреннем кармане пиджака свой маленький, но верный табельный пистолет, лихорадочно вбежал в подъезд дома.

К счастью для него, в подъезде он не столкнулся ни с кем из своих соседей, так что мог спокойно вынуть оружие, не опасаясь, что кто-нибудь это заметит. Гэлбрайт с громким топотом взбежал по ступенькам на второй этаж и, держа оружие левой рукой, вставил ключ в замочную скважину. Руки его были мокрыми от пота, пальцы дрожали, как в лихорадке, — такова была сила страха, охватившего полицейского в ту секунду. Наконец, ему удалось вставить ключ в скважину. Наклонившись всем телом, Гэлбрайт повернул его — при этом металл ключа едва не согнулся. Дверь тихо скрипнула, и Гэлбрайт, держа пистолет наготове, одним махом переступил порог с проворством дикого животного.

— Добрый вечер, господин инспектор. Я рад, что вы наконец пришли, — вдруг послышался совершенно спокойный старческий голос.

Гэлбрайт ожидал увидеть в своей квартире кого угодно — бандитов, гангстеров, сумасшедших клоунов в конце концов, но каково же было его удивление, когда оказалось, что на стуле, стоявшем у окна, сидел никто иной, как сам господин главный инспектор!

— Вы не в кино, Гэлбрайт, — спокойно, хотя и с некоторым упреком, сказал Сеймур.

Действительно, эта сцена выглядела невероятно глупо — хозяин квартиры стоял напротив своего гостя, направив на него дуло пистолета. Гэлбрайту сразу стало не по себе.

— Я вынужден попросить у вас прощения, — смущенно сказал он, медленно опуская табельный пистолет.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Нам нужно поговорить, — невозмутимо произнес Сеймур.

Очевидно, подумал Гэлбрайт, господин главный инспектор совсем не боялся смерти, раз он даже бровью не повёл во время этой выходки с пистолетом. Положив оружие во внутренний карман пиджака, Гэлбрайт поднял глаза на своего нежданного посетителя.

— Знаете, мне что-то не хочется садиться… — тихо сказал он

— Вы нервничаете, и это ваше дело, — сказал Сеймур, — но имейте в виду, что в таком случае вам придется стоять довольно продолжительное время.

— Я не какая-то белоручка, для которой постоять пару часов уже в тягость, — ответил

Гэлбрайт с оттенком обиды.

Эти слова вызвали подобие улыбки на лице господина главного инспектора Сеймура. Старику, казалось, нравилось наблюдать за волнением мужчины, который был моложе его самого на двадцать лет.

— Должен признаться, мне нравится ваш способ того, как вы выражаете своё мнение, — улыбка снова сменилась спокойствием. — Но я пришел к вам не ради того, чтобы восхищаться вашим замешательством.

Ну, конечно, саркастически подумал Гэлбрайт про себя, господин главный инспектор тихонько пробрался в дом своего подчиненного, и при этом думает, что хозяин квартиры сочтет это таким же обычным делом, как утренний прием пищи...

— Суть в том, что я хочу передать вам сообщение... — начал его гость.

С этими словами Сеймур протянул руку вперёд и взял со стола пачку сигарет. Гэлбрайт поспешил подойти к господину главному инспектору, чтобы услужливо зажечь ему сигарету, но тот молча отстранил его жестом и сам зажёг её от своей зажигалки.

— Итак, Гэлбрайт, — сделав затяжку, сказал он, — я понимаю ваше отношение к ней, поэтому не буду спрашивать вас о том, почему вы решили не рассказывать мне о своих планах.

«Что он имеет в виду?» задумался Гэлбрайт. Кто эта «она», к которой он, по словам старика, чувствует какие-то особые отношения?

— Именно по этим причинам, — продолжил Сеймур, — я не просил вас делиться со мной своими подозрениями.

— По отношению к кому? — невольно вырвалось у Гэлбрайта.

— К доктору Бэйзларду, кому же ещё? — ответил господин главный инспектор и выпустил облачко дыма.

Гэлбрайт невольно восхитился тем, какое аккуратное кольцо сделал его почтенный гость. «Да», — подумал он, — «умение курить — тоже искусство...»

— С чего вы взяли, что я его подозреваю? — спросил он Сеймура с ноткой иронии в голосе.

— Потому что я, как человек, который близко с ним знаком, прекрасно осознавал тот факт, что его персона не могла не вызывать подозрений, особенно у субъекта со складом ума подобно вашему.

У хозяина квартиры непроизвольно расширились глаза, когда его гость обрушил на него эти разглагольствования. «Как», — подумал он, — «неужели господин главный инспектор действительно был связан с этим доктором?». Это не укладывалось в голове у Гэлбрайта.

— С вами всё в порядке? — спросил Сеймур, глядя на смущение своего собеседника.

— Простите меня, — очнувшись от шока, Гэлбрайт опустил глаза.

— Я понимаю, что это вас удивляет, — спокойно ответил гость. — Isso Que é Vida, — сказал он вдруг на каком-то языке, который был непонятен собеседнику.

Гэлбрайт не мог вникнуть в истинный смысл последних двух слов своего гостя, но не смог удержаться от того, чтобы не выйти из себя и не обрушить поток слов на господина главного инспектора.

— Удивляет? Вы так это называете? — стараясь не повышать голос, он слегка сжал кулаки. — Неужели вы действительно думаете, что я смогу смириться с тем, что этот проклятый доктор, — Гэлбрайт не стремился подбирать выражений, — не только не вызывает у вас неудовольствия, но, оказывается, ещё и является вашим другом?!

Выпалив всё это, инспектор почувствовал, как у него начала подниматься температура. Он поднес правую руку к своим волосам, чтобы вытереть пот, выступивший на лбу, но в следующую секунду что-то упало на пол. Гэлбрайт тут же наклонился — оказалось, что он совершенно забыл о том, что всё это время он держал в руках зажигалку, которой хотел зажечь сигарету своего незваного гостя.

— Вы потрясающе выглядите в гневе, — неожиданно сказал Сеймур с неповторимой интонацией похвальбы, растягивая каждое слово, словно пребывая в изумлении.

Гэлбрайт, подняв свою зажигалку с пола, выпрямился и снова замер в одном положении. Он не ожидал, что его собеседник не только не обидится на его поведение, но, наоборот, похвалит эту его мимолетную, неконтролируемую вспышку гнева.

— Вами движет ярость, — продолжил его собеседник нормальным, спокойным тоном, — и я понимаю это — личность субъекта, о котором мы с вами ведём разговор, может вызвать только две реакции — либо восхищение его интеллектом, либо острую ненависть к его натуре.

— Будьте любезны, выражайтесь поточнее, — сказал Гэлбрайт, всё ещё витая в тумане.

— Доктор Бэйзлард — очень сложный человек, — коротко сказал Сеймур, сделав акцент на слове «очень».

«Мягко сказано», — подумал хозяин квартиры. У него возникло ощущение, что Сеймур пытался доказать ему, что у этого детоубийцы есть не только плохие, но и хорошие стороны.

— Я понимаю, что вы сейчас думаете, что я пытаюсь предотвратить очернение его репутации, — словно прочитав мысли собеседника, сказал Сеймур, — но на самом деле я имел в виду совершенно другое.

— А вы случаем не задумывались о том, что я могу подозревать и вас самого? — не удержался Гэлбрайт.

— Por que não? — ответил гость на непонятном Гэлбрайту языке. — В той ситуации, в которой вы оказались, вам ничего не остаётся, как подозревать всех и каждого, не считаясь со статусом окружающих вас людей.

Сказав эту в сущности полную укора фразу, господин главный инспектор поднялся со стула, смотря на хозяина квартиры с лёгким прищуром. Гэлбрайт продолжал неподвижно стоять на месте и с почти божественным благоговением наблюдать за тем, как Сеймур тем временем положил свою сигарету в пепельницу и, поправив галстук, выглянул в окно. Гэлбрайт проследил за взглядом своего нежданного посетителя — оказывается за то время, которое они провели вместе, на улицу уже опустилась ночь.

— Я позволю себе высказать вслух то, что, по моему мнению, могло прийти вам в голову, — его

гость отвернулся от окна и скрестил руки на груди.

— Ну и что вы мне скажете такого интересного? — почему-то этот жест собеседника показался Гэлбрайту забавным.

— Дело в том, что в вашей голове нет-нет, но мелькала мысль о том, что преступник Джордан Тёрлоу и его жертва Делия Йонс одной крови, — ни секунды не колеблясь, произнёс Сеймур и улыбнулся.

— К-к-как... — при этих словах у Гэлбрайта отвисла челюсть.

— Хотите спросить, как я узнал об этом? — Сеймур догадался, что повергло его собеседника в удивление. — В том-то и дело, что никак. Я просто высказал свою догадку наугад, уверяю вас, — спокойно ответил он.

Гэлбрайт не стал ничего отвечать на это, лишь вздохнул и, подняв глаза к потолку, начал разминать шейные позвонки.

— Да, к слову... — внезапно сказал господин главный инспектор. — Не думаю, что вам будет интересно это знать, но всё же...

Услышав это, хозяин квартиры сразу оживился и посмотрел на своего гостя.

— Это дела давно минувших дней, но я считаю своим долгом сказать вам, что Бэйзлард лишил Дункана жизни из принципов сострадания.

— Вы говорите о той самой операции на головном мозге? — Гэлбрайт прекрасно помнил, о ком сейчас говорил его собеседник.

— Верно, — кивнул Сеймур. — Мне просто кажется, что Бэйзлард решил пойти бедняге навстречу. Смерть дровосека не была несчастным случаем — доктор с самого начала знал, что операция по удалению опухоли закончится гибелью всего мозга, и, понимая, что Дункан всё равно больше не сможет нормально жить в таком состоянии...

— Вы хотите сказать, что доктор Бэйзлард убил Дункана с его молчаливого согласия? — внезапное озарение осенило Гэлбрайта.

— Вы можете интерпретировать мои слова так, как вам будет угодно, — вместо ответа сказал Сеймур.

Господин главный инспектор, сняв шляпу со спинки стула, направился к выходу из квартиры. Гэлбрайт медленно, словно боясь наступить ему на пятки, потрусил вслед за уходящим гостем. Уже взявшись за ручку входной двери, Сеймур повернулся к хозяину квартиры.

— Одно я могу сказать вам наверняка — доктор Бэйзлард не такой кровожадный убийца, каким вы его себе представляете в своих мыслях, — сухо сказал он.

— Хм... — услышав эти слова, Гэлбрайт неожиданно опустил взгляд, будто его обвинили в непозволительных действиях.

— Доброй ночи, — уже с лестничной площадки послышался голос господина главного инспектора.

В этот момент Гэлбрайт внезапно очнулся от своих воспоминаний. Он огляделся, словно

совершенно забыл о том, где сейчас находится. Как бы там ни было, сказал он себе, Портленд остался в прошлом, а теперь же он сидит в ванной комнате убогого номера лондонского отеля. Инспектор посмотрел на свои ноги — пока на его коже не было ни единого клопа.

— Что ж, скоро они снова облепят меня с ног до головы, — с некоторой отрешенностью сказал Гэлбрайт, вздохнув при этом.

Выйдя из ванной, он, дрожа от холода, нырнул под одеяло, совершенно забыв о том, что по хорошему ему нужно было выключить свет в комнате. Гэлбрайт так устал после холодной ванны, что, как только закрыл глаза, сразу же уснул. В ту ночь инспектор спал совершенно спокойно, без каких-либо сновидений.

Проснувшись на следующий день, Гэлбрайт с большим неудовольствием отметил, что, пока он спал, клопы снова покрыли его с ног до головы. «Ничего не поделаешь», — подумал он и побежал в ванную, не столько ради того, чтобы помыться, сколько с целью избавиться от паразитов, смыв их под струей воды. Ополоснувшись, инспектор не стал чистить зубы; он даже забыл о том, чтобы вытереться полотенцем после мытья. Подойдя к окну, он посмотрел на дорогу и замер, но на этот раз не потому, что был очарован видом машин — дело в том, что прямо под его подоконником внизу у тротуара стоял некий молодой парень в красной рубашке. Гэлбрайт сразу заподозрил неладное — ибо ему показалось, что этот человек стоял там уже некоторое время, и явно занял удобное место для наблюдения за комнатой, в которой сейчас находился сам инспектор.

Стоя у окна, Гэлбрайт посмотрел вниз на молодого парня. Инспектор не мог видеть его лица, которое было скрыто за широко раскрытой газетой. «Да», — подумал Гэлбрайт, — «этот парень притворяется, что просто остановился, чтобы прочитать интересную заметку в газете — самый заурядный и избитый шпионский трюк». Внезапно, пока он думал об этом, таинственный незнакомец опустил газету, и Гэлбрайт смог рассмотреть его чуть внимательнее. У шпиона — а Гэлбрайт не сомневался, что это был не случайный прохожий, — были длинные черные волосы, слегка завивавшиеся на концах. Нос у этого парня был слегка вздернут вверх, а черты лица придавали ему смутное сходство со смазливыми лицами молодых японских поп-звезд. Проанализировав всё это, инспектор вспомнил, что видел точно такое же лицо в самолете, когда ещё только летел в Лондон. Похоже, что это был тот самый тщедушный парень, с которым он сидел тогда вместе со спящим стариком... Гэлбрайт, к сожалению, забыл, во что именно был одет тот молчаливый попутчик, но сейчас это не имело никакого значения — в конце концов, не одежда делает человека, а человек одежду — кому, если не полицейскому, следует знать об этом!

Убедившись, что этот парень не заметил его с улицы, Гэлбрайт отошёл от окна и направился обратно в ванную. Теперь он как следует умылся, не забыв почистить зубы. Затем взял бритву — ему захотелось побриться. Увы, инспектор в сотый раз отказался от этого благого дела, потому что, не рассчитав усилий, слишком сильно провёл по щеке и в итоге порезал кожу. Кровь тут же начала течь тонкой и, казалось, бесконечной красной струйкой... «Да, видимо, побриться мне не суждено», — подумал Гэлбрайт, выходя из ванной — ему нужно было найти вату и спирт, чтобы остановить кровотечение. В чемодане он не нашел ни того, ни другого, и он даже вспомнил почему — дело в том, что когда он собирал вещи для поездки, то друзья посоветовали ему не брать с собой алкоголя, иначе его могли бы с высокой долей вероятности остановить на таможне.

Гэлбрайт вызвал в номер консьержа и, пока ждал его прихода, снова пошёл в ванную, где подставил щёку под струю воды. Он знал, что толку от этого будет мало, но, по крайней мере, холодная вода немного притупляла боль от пореза. Вскоре раздался стук в дверь, и инспектор

пошёл открывать. Однако вместо консьержа — пожилого мужчины в синем фраке — на его звонок ответила молоденькая горничная.

— Простите меня великодушно, мистер Гэлбрайт, — поспешно начала она прямо с порога, — но мистер Тибор не сможет прийти к вам сегодняшним днём.

Произнеся эти слова, подобно скороговорке, она тут же замолчала и в то же время странно вздрогнула всем телом, как будто кто-то ущипнул её сзади. Инспектор старался не уделять этим странностям слишком много внимания, чтобы окончательно не выйти из себя.

— Почему? — из вежливости спросил Гэлбрайт, хотя по факту ему было всё равно, что случилось с персоналом этого отеля.

— Его увезли в больницу прошлой ночью, — сказала женщина и снова вздрогнула как ужаленная.

— Вы и дальше будете продолжать говорить со мной, выдавливая слова по чайной ложке? — несколько недовольно спросил её инспектор.

Необъяснимое подергивание его собеседницы уже начинало действовать Гэлбрайту на нервы. В чем была причина душевного состояния горничной, ему было неясно, но факт оставался фактом: она вела себя как-то нетипично для нормального человека, из-за чего у него самого в тот момент возникло не очень приятное чувство.

— У мистера Тибора были диагностированы симптомы рака, и я… Я не хочу вдаваться в подробности, — горничная сказала это таким тоном, словно вот-вот расплачется.

— Ладно, давайте не будем об этом, — успокоил её инспектор.

Женщина продолжала стоять на пороге, и Гэлбрайт заметил, что в те моменты, когда она говорила, её шея заметно раздувалась, подобно кузнечным мехам. «Должно быть, у неё что-то не в порядке с лёгкими», — подумал он про себя.

— Не могли бы вы принести мне немного ваты в номер? — обратился он к ней после пяти секунд молчания.

— Извините пожалуйста, говорите чётче, — женщина захлопала ресницами.

— Я позвал сюда человека, чтобы он принес мне вату. Я порезался, — сказал Гэлбрайт громко и отчетливо, чувствуя, как чувство терпения начинает покидать его.

Горничная слушала инспектора, продолжая хлопать ресницами, словно какая-то ночная птица. С каждой секундой её шея раздувалась всё больше и больше, словно воздушный шарик, который вот-вот лопнет. Гэлбрайт недоумевал, почему она так странно себя ведёт…

— Режьтесь себе дальше! — вдруг грубо крикнула девушка.

— Простите, что вы сказали? — Гэлбрайт, удивленный её внезапной вспышкой агрессии, попытался взять себя в руки.

— Вам тут не аптека, чтобы вам таскали всякую лекарственную гадость! — с ненавистью крикнула горничная и вышла из его номера.

— Подождите, куда вы? — крикнул ей вслед инспектор.

— Ко мне за такими вещами не обращайтесь! — донесся её переполненный недовольством вопль из коридора.

Закрывая за ней дверь, Гэлбрайт подумал о том, что, по-видимому, эта горничная была либо дочерью, либо же любовницей старого консьержа — потому что инспектор не мог найти другой причины для её агрессии, да и не очень хотел — он давно понял, что в отеле «Стэйт оф Сноу Лэйк» гостям никто не рад. Ему пришлось вместо ваты достать из своего чемодана носовой платок — не самый чистый, но хоть что-то — и с его помощью попытаться что-нибудь сделать с порезом. Остановив кровотечение с горем пополам, Гэлбрайт решил, что с него хватит сидеть в этой комнате, в которой кровать представляла собой сплошной муравейник, персонал был неадекватным, а интерьер был далёк от класса люкс. Инспектор приступил к сбору своих вещей, но когда он начал искать, куда положил свою запасную рубашку, как в дверь снова постучали, и ему снова пришлось пойти открывать.

— Мистер Гэлбрайт, к вам посетитель, — это была всё та же горничная, только теперь она, казалось, полностью успокоилась.

— Кто, простите? — спросил Гэлбрайт.

— Немолодой человек, — словно сомневаясь в точности своих слов, ответила девушка.

— Думаю, что этот немолодой человек может подождать, — инспектор был не в настроении принимать в своей комнате незнакомых мужчин.

— Но он сказал, что у него к вам важное дело! — твёрдо сказала горничная.

— Ваша взяла, пускай входит, — Гэлбрайт махнул рукой и отошёл от двери.

Он подошёл к окну и посмотрел вниз. Парня в красной рубашке там больше не было — кто знает, может быть, это и в самом деле был случайный прохожий…

— Добрый день! — окликнул его чей-то вкрадчивый голос.

Гэлбрайт обернулся — в его номер вошёл мужчина средних лет — не такой старый, каким его представила горничная, хотя и с седыми волосами. Очевидно, внезапность, с которой хозяин номера обернулся к нему навстречу, немного напугала этого человека, потому что он слегка попятился, когда инспектор уставился на него. «Хм, похоже что ко мне заявился ушлый докторишка», — подумал Гэлбрайт, глядя на этого незваного посетителя, который был одет в строгий коричневый костюм, поверх которого был наброшен белый медицинский халат.

— Я так понимаю, что вы врач? — высказал инспектор свою догадку вслух.

— Нет, вы допустили ошибку, — ответил мужчина с каким-то лукавым блеском в глазах. — Я работаю в области, которая является ключом к будущему.

— И какой же именно? — Гэлбрайт невольно был заинтригован этим определением.

— В области компьютерных технологий, — спокойно ответил собеседник.

После этих слов седовласый мужчина скромно опустил глаза, но было видно, что на самом деле его чуть ли не распирало от важности. «Так вот оно как», — подумал инспектор. Глядя на этого мужчину, ему невольно пришло на ум воспоминание о том, как еще в 1981 году, когда Гэлбрайт впервые увидел подержанный микрокомпьютер фирмы Тэнди в полицейской

академии, то он вступил в спор с его оператором. Тот жизнерадостный парень, сидевший за клавиатурой, говорил стоявшему рядом с ним Гэлбрайту, что компьютер есть продукт промышленной революции, сравнимый с изобретением паровой машины. Не скупясь на выражения, оператор заявил, что массовая компьютеризация — это будущее человечества, которое наконец-то выведет его из болота невежества.

Сам Гэлбрайт ответил тогда на это высказывание тем, что он, конечно, понимает, что вскоре компьютеры будут использоваться во всех сферах жизни, но всё же это не отменяет того факта, что компьютеризация по своей сути является своеобразным мыльным пузырём — ведь простой забастовки работников электростанций по всей Земле будет достаточно для того, чтобы вся электроника — и компьютеры в том числе — превратилась в груду бесполезного металлолома, что неминуемо приведёт к ужасному кризису огромных масштабов. И Гэлбрайт не преминул привести в пример библиотеки — по его мнению, если знания будут только в электронном виде, то с потерей электричества цивилизация откатится к состоянию, близкому к каменному веку, если даже не хуже, поскольку первобытному человеку, не изнеженному благами современного мира, не было бы проблемой жить без света и тому подобных благ цивилизации.

Когда Гэлбрайт высказал тогда свою мысль оператору компьютера, тот закричал, что Гэлбрайт, мол, пессимист, а также, судя по всему, ещё и шпион, подосланный коммунистами. «Да», — подумал Гэлбрайт, — «нечто подобное было сказано и Фаркрафту в Портлендском университете, только мне повезло больше, ведь меня не выгнали из-за этого разговора...»

Инспектор оторвался от своих воспоминаний и обратился к своему посетителю.

— Хорошо, если вы работаете в сфере будущего, то я, конечно, очень рад... — начал он.

— Ну а как же! — перебил его седовласый мужчина.

— Подождите, я не закончил, — сказал Гэлбрайт, — я хотел спросить, как вы узнали обо мне.

При этих словах посетитель вытащил из кармана маленькую белую карточку и, держа её в левой руке, сказал:

— Я специалист из «Института компьютеризации имени Макото», мы ищем добровольцев... — начал было он.

— Каких таких добровольцев? Я по вашему что, где-нибудь развешивал объявления о том, что хочу... — инспектор прервал его с растущим недовольством.

— А теперь ваша очередь выслушать меня! — повысив голос, седовласый мужчина сверкнул глазами.

— Ладно, дерзайте, — Гэлбрайт, уступив своему собеседнику, шумно выдохнул.

— Нам нужны добровольцы, чтобы мы могли оценить сны компьютера с точки зрения обычного человека, — с некоторым пафосом заявил специалист.

— Сны компьютера? — инспектор изумленно повторил это странное словосочетание из речи своего гостя.

— Это долгая история, — седовласый, казалось, не заметил удивления собеседника, — поэтому вам лучше сразу прийти к нам, и мы всё...

Прервав фразу на полуслове, специалист положил на тумбочку карточку, которую до этого держал в руках.

— Увидимся! — весело сказал он, направляясь к выходу из номера инспектора.

Через две секунды Гэлбрайт подошёл к тумбочке и взял небольшой лист белого глянцевого картона. На этой визитке было всего две строчки — название заведения, о котором говорил посетитель, а также адрес. Гэлбрайт, вглядываясь в маленькие буквы, вдруг услышал, как посетитель хлопнул дверью, и едва не произнес восклицание «Эй, подождите, остановитесь!». Положив карточку на место, инспектор подбежал к двери и открыл её, но в коридоре уже никого не было. Ладно, подумал Гэлбрайт, какой ему смысл гнаться за этим незнакомцем из-за того, что он забыл спросить его о том, откуда тот узнал о его скромной персоне...

Закрыв дверь, инспектор, бросив взгляд на тумбочку, вернулся к кровати. Не желая снова оказаться покрытым клопами, он ограничился тем, что лишь сел на одеяло и уставился прямо перед собой.

В данную минуту в голове у Гэлбрайта царил полный хаос. С самого начала всей этой истории с доктором Бэйзлардом нервы инспектора уже начинали сдавать, но теперь, находясь в чужой стране, в номере этого ужасного отеля, паранойя Гэлбрайта начала прогрессировать всё сильнее и сильнее. Он сразу же начал строить подозрения, что этот посетитель, представившийся ему специалистом по компьютерам, был связан с тем хирургом-гинекологом. Гэлбрайт прекрасно понимал, что его собственный визит на квартиру к Бэйзларду, состоявшийся ещё в Портленде, несомненно, вселил в доктора уверенность в том, что полиция уже установила за ним слежку и не упустит возможности послать за ним полицейского. Поэтому, покинув Америку, доктор Бэйзлард, очевидно, заранее предупредил своих друзей в Лондоне, чтобы они следили за людьми, которые будут его искать. «Эта гипотеза имеет право на жизнь», — подумал Гэлбрайт.

Думая об Америке, инспектор не мог не вспомнить, что было довольно странно, что никому из сотрудников полицейского управления Портленда не было дела до сбежавшего доктора. Всё, что сделала полиция, это арестовала ассистентов Бэйзларда, которые присутствовали при той операции по удалению матки. Их допросили, записали слова и всё, никаких дальнейших действий предпринято не было. Лишь один единственный Гэлбрайт настаивал на том, что не следует закрывать на это глаза — через пару дней после того, как дело о смерти Делии было закрыто, он вызвался на то, чтобы поймать зачинщика этого инцидента. Полиция тогда смотрела на него как на идиота, решившего погнаться за призраком.

Гэлбрайту говорили, что его идея поймать Бэйзларда не имеет смысла, потому что смерть дочери какого-то там фармацевта не была событием, ради которого стоило тратить средства на поимку человека, который к тому же уже успел сбежать в другую страну. Его начальство утверждало инспектору, что полиция Портленда не видит смысла просить полицейскую службу Лондона передать в их руки этого несчастного хирурга. Гэлбрайту тогда невероятно повезло, что кто-то всё-таки подал заявление, и вскоре на руки инспектору выдали визу, ему купили билет на самолет а также забронировали номер в том самом отеле, где он сейчас находился. Вполне возможно, что этим покровителем, пожелавшим остаться неизвестным, был сам господин главный инспектор Сеймур, но у Гэлбрайта не было времени особо разбираться в том, кто именно ему помогал и с какими целями, потому что в то время он уже паковал свои вещи, дабы улететь в Англию.

Из-за переполняющих эмоций и впечатлений инспектору было трудно привести свои мысли в порядок. Гэлбрайт вернулся к сегодняшнему гостю. Этот седовласый мужчина явно знал его в

лицо и был прекрасно осведомлен в том, что инспектор остановится в номере именно этого отеля… Кто бы это мог быть? Гэлбрайт начал думать, что его сегодняшний посетитель, вероятно, был помощником Бэйзларда, возможно даже его ближайшим учеником. Очевидно, он принял Бэйзларда, когда тот прибыл в Лондон, и, узнав от доктора приметы Гэлбрайта, каким-то непостижимым образом выследил инспектора и в итоге нанес ему визит, просто чтобы посмотреть на него и убедиться, что за его хозяином ведется слежка…

— Не стоит так торопиться, — тихо сказал себе Гэлбрайт, — нужно успокоиться…

Сидя на кровати, он чувствовал, что мир вокруг него вращается в бешеном темпе канте фламенко. Что усугубляло ситуацию, так это тот факт, что при том, что он не залезал под одеяло, но клопы всё равно каким-то образом залезли ему под одежду. Чувствуя отвратительный зуд по всей коже, Гэлбрайт встал и подошёл к окну, надеясь, что паразиты не доберутся до него здесь. Глядя на уже надоевший ему вид на дорогу, он начал вспоминать, что знал о помощниках Бэйзларда. Насколько он помнил, их было всего двое — мужчина по имени Норман Ван Ризен и женщина по имени Кэтлин Армор.

Сначала они допросили женщину, потому что та легко пошла на контакт с полицией — казалось, что она сама была рада пойти навстречу расследованию. Помимо малоинтересных для Гэлбрайт фактов о том, как она передала Бэйзларду инструменты и другие медицинские принадлежности, она также рассказала интересную деталь — оказывается, врач, прежде чем начать оперировать Делию Йонс, публично заявил о том, что после операции ему нужно будет срочно вылететь в Англию, поскольку он не был уверен в том, что девочка сможет восстановиться после удаления важного внутреннего органа. Когда Кэтлин Армор спросили, помнит ли она то, указывал ли доктор Бэйзлард город, в который он направлялся, она ответила, что он ограничился лишь общим определением страны.

Затем Гэлбрайт вспомнил, как выпытывали сведения у второго помощника, мужчины. Допрашивавшему его полицейскому было трудно добиться слов от этого необычайно угрюмого человека — казалось, доктор Бэйзлард намеренно нанял мизантропа в свои помощники, как будто он знал, что, случись вмешаться полиции, то этот человек не проболтается. Однако Норман Ван Ризен всё же сообщил полиции пару деталей, из которых Гэлбрайту особенно запомнилась вторая. Тогда, уставившись на полицейских полными ненависти глазами из-под густых бровей, этот человек хриплым голосом заявил им о том, что после того, как девочке удалили матку, мистер Бэйзлард вместе с мисс Армор начали извлекать из её органа какую-то штуку — мистер Ван Ризен не мог выговорить её латинское название, — в то время как сам Норман получил от доктора распоряжение, суть которого заключалась в том, чтобы он набрал на телефоне любой телефонный номер и, дождавшись, когда абонент возьмет трубку, прокричать самым истеричным из возможных голосов любую чушь, которая придет ему в голову. Увы, полицейскому, допрашивавшему Нормана Ван Ризена, не удалось заставить его вспомнить слова, которые он тогда прокричал в трубку, потому что, рассказав полицейскому эту историю, мистер Ван Ризен вышел из себя и начал кричать, чтобы его отпустили домой к жене.

В любом случае, эти слова о телефонном звонке заставили Гэлбрайта вспомнить то самое утро, когда на следующий день после дня его отпуска его разбудил звонок, и после того, как он поднял трубку, он услышал истеричный голос, который прокричал «Маэстро, скажите «você»! «Você» означает «вы»!» Тогда Гэлбрайт был не в духе и поэтому немедленно повесил трубку, но теперь, когда он знал, кем был тот неизвестный абонент, до него дошло, почему у него тогда возникло предчувствие какой-то надвигающейся беды. Бедная Делия, подумал инспектор про себя…

Гэлбрайт, которому уже надоело смотреть на проезжающие по улице машины, понял, что не может просто так стоять на месте и предаваться воспоминаниям понапрасну. С этой мыслью он отошёл от окна и начал искать одежду, раздумывая, что же ему предпринять. Он отказался от идеи переехать из этого отеля в другой — во-первых, чувство скупости не позволило ему просто так отказаться от номера, за который он заплатил почти шестьсот долларов (в американских деньгах), а во-вторых, инспектору показалось, что если он сейчас начнёт утруждать себя переездом, то, будучи занятым этим делом, не сможет должным образом осмыслить визит этого странного специалиста.

Одевшись, Гэлбрайт подошёл к двери и, убедившись, что не забыл ни бумажника, ни документов, спустился по лестнице и покинул здание отеля. Он уже знал, какая погода стояла на улице — потому что простоял у окна почти четверть часа, — но он не ожидал, что на улице будет настолько жарко. Сожалея о том, что забыл намочить рубашку перед выходом, он поймал такси и, открыв дверцу, обратился к водителю:

— Отвезите меня в ресторан, который вы бы могли порекомендовать, — сухо сказал Гэлбрайт.

Устроившись поудобнее и захлопнув дверцу, инспектору пришлось подождать, пока водитель соберется с мыслями.

— У меня есть на примете «Клэйр Эн Тон», — сказал он пятнадцатью секундами позже.

— Что это? — равнодушно спросил пассажир.

— Vanitas-ресторан, — ответил водитель, нажимая на педаль.

Машина тронулась с места, и Гэлбрайт, не пытаясь вникать в смысл последних слов водителя, уставился в окно. Он решил довериться кому-нибудь, кто знал Лондон как свои пять пальцев, потому что не хотел искать ресторан сам, поскольку печальный опыт с «Орцинус Оркой Остерией» заставил его отказаться от любых попыток лично найти место для отдыха. «Да», — подумал он, — «конечно, было бы намного проще, если бы я был обычным туристом, которого гид ведёт чуть ли не за руку, но, увы, в моём путешествии инкогнито о таком даже думать не стоит». Инспектор наблюдал, как во время поездки виды города за окном постепенно сменялся сельскими пейзажами.

«Ух ты, как далеко, по-видимому, находится этот «Клэйр Эн Тон», — подумал Гэлбрайт. Неужели коренной лондонец не мог порекомендовать ресторан, расположенный в центре города? Возможно ли, — тут инспектор невольно улыбнулся, — что в центре столицы Англии были такие ужасные рестораны, что лондонцы предпочитали обедать чуть ли не у чёрта на куличках? Но у него не было времени додумать эту мысль до конца.

— Вылезайте, — вдруг грубо произнёс водитель

— Что, мы уже на месте? — Гэлбрайт очнулся от своих дум и отвернулся от окна.

— Повторяю, вылезайте быстрее, — повторил таксист беззлобно, но твёрдо.

— Хорошо, как вам будет угодно, — инспектор открыл дверцу и вышел из машины.

— Я заправлюсь и вернусь за вами, — крикнул ему вслед водитель, нажимая на педаль.

Гэлбрайт наблюдал за его удаляющейся машиной. «Хм», — подумал он, — «странное поведение у этого таксиста — какая ему разница, будет ли он заправляться со мной или без?»

Инспектор оторвал взгляд от жёлтой машины, которая уже скрылась вдали, и огляделся по сторонам. Он стоял у деревянного забора, за которым виднелся одноэтажный коттедж не особенно привлекательного вида. Что удивило Гэлбрайта, так это то, что это был единственный дом поблизости — весь остальной пейзаж представлял собой степь с выжженной солнцем травой и без единого деревца. «Что это за место?» — спросил себя инспектор.

В следующую секунду до его ушей донесся лай. Собака, которая его издавала, как понял Гэлбрайт, находилась за забором, у которого он сейчас стоял. Он сделал пару шагов от него, как вдруг увидел человека, идущего от обочины к калитке. Какое-то внутреннее чувство заставило инспектора спрятаться. Крепкое телосложение незнакомца — можно даже сказать, гориллоподобное — с его широкими плечами и чёрной, надвинутой на глаза шляпой, вместе создавали довольно угрожающее впечатление. Когда мужчина начал приближаться к забору, лай собаки усилился громче.

Гэлбрайт заметил, как этот мужчина, слегка замедлил шаг, прямо на ходу сунул правую руку в карман своего чёрного пиджака официального вида. Инспектор в немом изумлении наблюдал за тем, как незнакомец достал из кармана сверкающий на полуденном солнце пистолет — чем-то похожий на те, которые использовались фашистами во время Второй мировой войны, — и, взвёв курок, остановился у калитки. «Мне следовало бы отступить в безопасное место», — подумал Гэлбрайт, наблюдая за тем, как незнакомец встал в угрожающую позу и выставил перед собой оружие.

В следующую секунду мускулистый мужчина резко выбросил ногу вперёд. «Ну и силушка у него, прямо богатырская», — подумал Гэлбрайт, глядя на то, как калитка сразу же поддалась удару незнакомца. Внезапно раздался выстрел, и до ушей инспектора донёсся высокий, душераздирающий собачий визг. «Вот чёрт», — подумал Гэлбрайт, — «этот бандит стреляет в животное...» Но как бы то ни было, он, спрятавшись за углом забора, не предпринял никаких действий, потому что понимал, что в чужой стране, да ещё в каком-то непонятном безлюдном месте, ему лучше стараться держаться подальше от неприятностей. Поэтому, когда после пяти выстрелов из-за забора вдруг послышался крик молодого человека — видимо, то был хозяин дома, — Гэлбрайт лишь сухо констатировал тот факт, что бедному псу больше никогда не придётся бегать по поляне вслед за бабочками...

После того, как человек с оружием переступил порог калитки, Гэлбрайт наконец решил посмотреть на то, что там, чёрт возьми, такого происходит. Он медленно, стараясь не шуметь, прошёл немного вперёд и остановился на таком расстоянии, чтобы видеть, что происходит внутри забора. Там в это время происходила бойня — гориллоподобный мужчина в шляпе, у которого в руках больше не было пистолета, наносил сильные удары ногами какому-то молодому парню в белой рубашке, который лежал у него под ногами. Инспектор, вглядевшись в происходящее, отметил, что не мог найти труп собаки. Он высказал предположение, что убийца, вероятно, отбросил животное от ворот, или что собака, не будучи убитой до конца, нашла в себе силы отползти в сторону. Пытаясь осмыслить происходящее, Гэлбрайт не мог не заметить, что движения убийцы были несколько неуверенными, как будто он боялся того, что его удары ногами нанесут слишком серьёзные повреждения. Обычно, думал полицейский, убийцы действуют по велению инстинкта, ввиду чего полностью отдаются чувству агрессии, но язык тела этого человека был таким, как будто он на самом деле не бил парня, но только притворялся, имитировал избиение...

Внезапно Гэлбрайт услышал, как позади него остановилась машина. Он обернулся — оказывается, таксист действительно не обманул его и вернулся за своим пассажиром.

— Садитесь, мы едем дальше, — крикнул таксист из окна.

Инспектор лихорадочно открыл дверцу и забрался в машину, одновременно ударившись макушкой о потолок. Ему хотелось покинуть это место как можно быстрее, но ему пришлось подождать — водитель, тихо ругаясь, возился с ключом зажигания, который никак не хотел поворачиваться. Гэлбрайт, сердце которого бешено колотилось, выглянул в окно. Мускулистый мужчина в чёрном пиджаке, отвлёкшись на звук приближающейся машины, оставил избиение молодого парня и повернулся в сторону дороги. В тот же момент его шляпа непроизвольно слетела с головы, и инспектор наконец смог разглядеть его лицо.

— Боже мой, это же… — прошептал Гэлбрайт одними губами.

Но договорить он не успел — таксисту наконец удалось повернуть ключ зажигания, и машина резко двинулась вперёд. Из-за внезапности этого маневра инспектор не успел вовремя среагировать, из-за чего его лицо против его воли уткнулось в спинку переднего сиденья. Гэлбрайт с проклятием откинулся назад, чувствуя, как у него на лбу начинает медленно набухать шишка.

— Что, ушиблись? — спросил таксист без тени сочувствия.

— Неважно, — ответил его пассажир, ощупывая гематому.

Превозмогая боль, Гэлбрайт опустил руку и, стараясь расположиться как можно удобнее, начал думать о том событии, которое ему довелось наблюдать пару минут назад. Убийца, как он успел заметить, чертами лица был очень схож с фармацевтом, мистером Йонсом — те же выступающие скулы, глубоко посаженные глаза и мощная челюсть. «Ещё один доппельгенгер, или, может быть, даже дрейфахенгер?» подумал инспектор. Но Гэлбрайта смутил тот факт, что лицо этого конкретного человека имело сероватый оттенок, который сильно выделялся на фоне розовых ушей и шеи, как будто на лицо мужчины был нанесён какой-нибудь солнцезащитный крем или же… Гэлбрайт допустил безумную теорию о том, что этот человек носил маску на лице, чтобы походить на отца покойной Делии.

— Грим для инсценировки, спектакля, — прошептал инспектор.

Да, именно это слово он использовал для описания этого инцидента — то, что он увидел, с высокой степенью вероятности могло быть имитацией, умело разыгранным и талантливо инсценированным спектаклем. Гэлбрайт сразу вспомнил слова своего покойного друга — тот рассказывал ему о том, что когда он вместе с нарядом полиции собирался арестовать мистера Тёрлоу, то Фаркрафт с полицией добрался до дома преступника как раз в тот момент, когда мистер Йонс убил собаку Джордана из пистолета и приступил к тому, чтобы затоптать самого хозяина.

Инспектор сравнил рассказ Фаркрафта с тем, что он только что увидел. Да, лично сам Гэлбрайт не был очевидцем того инцидента, но все детали совпали. За исключением того, что он не смог увидеть там собаку — казалось, что вместо настоящего животного за забором стоял скрытый от посторонних глаз проигрыватель, который проигрывал кассету с заранее записанными звуками лая. «Вполне логичное объяснение», — подумал он. Тогда стало ясно, почему у этого драйфахгенгера была такая странная пластика тела — ведь он на самом деле не бил парня, а только разыгрывал сцену избиения, как актёр на подмостках. Единственное, что было неясно, так это то, кто именно устроил этот «спектакль» и, самое главное, с какой целью и для кого было предназначено всё это представление…

В этот момент машина остановилась.

— Мы прибыли, — пробормотал водитель.

Инспектор очнулся от своих мыслей и открыл дверцу, собираясь выйти из машины.

— Подождите минутку, — сказал таксист и сунул ему в руку скомканный листок бумаги.

— Зачем вы дали мне это? — спросил Гэлбрайт, начиная его разворачивать.

— Я просто хочу вам сказать, что если у вас возникнут какие-либо вопросы, просто позвоните по этому номеру, — сказав это, водитель отвернулся и сел за руль.

В конце концов инспектор вылез и, даже не взглянув на отъезжающую машину, стал разглядывать только что полученный от таксиста листок бумаги. В нем было всего две строчки — номер телефона, (020) 1805 1982, а также имя — «Х. Бернэзи».

Хм, подумал Гэлбрайт, с какого такого перепугу таксист решил, что случайный пассажир, которого тот видел впервые в своей жизни, может вдруг нуждаться в его помощи… Инспектор снова подумал о докторе Бэйзларде — и правда, почему бы этому доктору не дать денег случайному человеку с собственной машиной, дабы тот в нужный момент подъехал к отелю, где остановился инспектор, и развёз по нужным местам…

— Это глупо, — сказал инспектор с усмешкой.

Засовывая листок бумаги в карман, Гэлбрайт поднял голову. Он стоял возле четырёхэтажного здания, в котором были всевозможные кафе и витрины магазинов. Таксист высадил инспектора у скромного входа, над которым висела вывеска «Клэйр Эн Тон». Глядя на эти синие неоновые буквы, Гэлбрайт невольно отметил про себя, что из-за этого Бэйзларда у него развилась такая паранойя, что если развивать идею о том, что за всем в этом мире стоит доктор, то сгоряча можно дойти до того, что, если начать копаться в Библии, то выяснится, что Ева дала яблоко Адаму не по наитию какого-то абстрактного змея-искусителя, но только потому, что такова была просьба доктора Бэйзларда, который преследовал идею убийства маленькой девочки Делии, которая родится много поколений спустя в семье фармацевта Йонс…

http://tl.rulate.ru/book/102483/3539641